

Марина СЕРОВА

САМЫЙ УСПЕШНЫЙ ПРОЕКТ ГОДА

*Талисман
царя Дария*

ЧАСТНЫЙ ДЕТЕКТИВ
ТАТЬЯНА
ИВАНОВА

Марина С. Серова
Талисман царя Дария
Серия «Частный детектив
Татьяна Иванова»

*Текст предоставлен издательством «Эксмо»
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=181107
Талисман царя Дария: Эксмо; М.: 2005
ISBN 5-699-13016-0*

Аннотация

Над талисманом, созданным жрецами персидского царя Дария, с самого начала тяготело проклятье. Его история была обогрета кровью и слезами. И в наши дни талисман продолжает свое кровавое шествие. На этот раз он был похищен у умершего ветерана войны. Расследование ведет частный детектив Татьяна Иванова. Ясно одно, похитил древнюю реликвию кто-то из родственников. Через несколько дней был найден труп внука ветерана, а талисман снова исчез...

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	30
Глава 3	44
Конец ознакомительного фрагмента.	57

Марина Серова

Талисман царя Дария

Глава 1

Каменные ступени царского дворца в Сузах были влажны от дождя, который только начинал моросить. В мелких шершавых углублениях вскоре соберется влага, затем она смешается с пылью и частицами песка, затем ступени станут скользкими. Выходя из дворца, тем более в темноте, нужно быть особенно осторожным...

Именно такие мысли посетили вдруг полководца Меркса Датиса в тот момент, когда он спешил на встречу с царем. Надвигаются большие события. Впрочем, последние годы история Персии складывалась только из больших событий. И, может быть, небольшого числа мелких неудач.

Неудач царь не прощал. Не хотелось бы оказаться на месте того, кто стал виновником нарушения планов повелителя. Царь помнил обо всем. Срыв любых замыслов раздражал Вседержителя и вызывал жгучее желание вернуться к делу снова и снова. Пусть даже довести задуманное до конца выпадет лишь на долю потомков.

Датис был один, без своей обычной маленькой свиты. Царь пожелал видеть только его и только вечером. Наверное,

потому, что природа в сумеречное время успокаивалась, а повелитель желал обсудить важный вопрос в спокойной обстановке.

Датис прошел мимо стражников, которые узнали военачальника и почтительно склонились перед ним. О его заслугах знали и говорили все. Торговцы на базаре, солдаты в компаниях, крестьяне на полях.

Датиса ждали, чтобы проводить в покои царя. Полководец сбросил свой плащ, обнажил голову и последовал за провожатым.

Дарий стоял у окна, даже не пытаясь взглянуть в затянутое тучами небо. Собственно, туч не было видно. Быстро наступившая ночная темнота буквально на глазах скрыла тучи и заставила небо почернеть.

Опустившись на колени, полководец склонил голову.

Дарий не повернулся к нему, только произнес:

– Когда мои войска идут на врага, похожи ли они на эту густую пелену, которая поглощает все, что встречается ей?

Датис, не поднимая головы, шевельнул бровями. Он промолчал, желая дать царю высказать свою мысль до конца. Военачальник был слишком умен, чтобы пытаться навязать свое мнение другому человеку, тем более царю.

– Мои войска бесчисленны, подобно каплям дождя, которые покрывают землю и питают ее живительной влагой. На смену одним каплям прольются другие. Реки станут полноводнее. Моря станут величественнее. А земля будет благо-

ухать, выставляя напоказ свое могущество.

Датис не был силен в философии. Он предпочитал действовать мечом, а не рассуждениями о божественном предназначении дождевой воды.

Дарий повернулся к военачальнику.

– Датис, сегодня я настроен слушать тебя. Звезды говорят, что сегодня я услышу от тебя то, что порадует мое сердце.

– О, мой повелитель...

Полководец не решался встать с колена. Каменная плита холодила кожу, а Датис не любил испытывать подобные неудобства. Он твердо переносил тяготы военных походов, но подобные мелочи его немного раздражали.

– Подойди, Датис.

Военачальник с облегчением в душе встал и, почтительно склонившись, приблизился к царю.

– Мой повелитель...

Дарий высоко задрал голову, так что была отчетливо видна его шея, густо поросшая волосами, и поджал губы. Очевидно, он подумал о чем-то очень важном.

Датис не умел читать мысли. Хотя мысли у царя наверняка были теми же, что и два года тому назад, и четыре, и восемь.

– Датис, я до сих пор оплакиваю потерю трехсот кораблей, утонувших в Эгейском море позапрошлым летом.

Полководец мысленно опустил голову.

– О, мой повелитель, это была неслыханная потеря.

– Боги были неблагосклонны ко мне. Они послали страшную бурю. Я лишился огромного флота.

– Мой повелитель, новый флот ждет твоего приказа. Корабли готовы отплыть к греческим берегам.

Царь продолжал качать головой.

– Буря погубила столько славных воинов, они были лучшими в мире.

– Мой повелитель, тридцать тысяч солдат готовы отправиться в путь прямо сейчас. Они ждут твоего слова.

– Я накажу Афины. Их помощь Милету станет для них вечным проклятием. Жаль, что возмездие не свершилось еще два года назад.

– Мой повелитель, не поздно исправить ошибку судьбы. Войска готовы, корабли ждут сигнала, полководцы верят в победу.

Дарий мстительно улыбнулся.

– Да-да, Афины падут. Мои сатрапы займут пышные дворцы. Мои солдаты будут иметь все – греческое золото, афинских женщин. Ты отдашь приказ не щадить врага. Пусть мои воины наслаждаются победой. А потом, быть может, исчезнут с лика земли.

– Мой повелитель, твои войска сделают все, что ты пожелаешь...

Голос Дария звучал все громче.

– Сначала Эретрия. Она стоит на моем пути. Затем Афины. Я хочу, чтобы боги помогли мне.

– Мой повелитель, нужно умиловать судьбу.

Дарий внимательно посмотрел на полководца.

– Умиловать? Да все мои помыслы обращены к небу.

Все мои слова просят только об одном – о милости. Все мои жертвы – во имя благосклонности судьбы.

– Может быть, этого не вполне достаточно?

– Да разве потеря целого флота – трехсот кораблей – не великая жертва?

Датис понял, что сказал лишнее. Царя нельзя раздражать. И тем не менее он решил прояснить свою мысль и высказать ее до конца.

– О, мой повелитель, я ничуть не усомнился в твоих великих жертвах, я только хотел сказать, что, может быть, боги ждут от тебя иного?

Дарий задумался.

– Я уже немолод. Возможно, существует то, что богам милее, чем все, что я делал до сих пор.

Как человек военный, шагающий по земле и не лишенный людских недостатков, Датис уже подумывал о том, как хотя бы немного досадить священнослужителям, которые претендовали на определенную долю власти в империи Дария.

Такой же власти хотели и военные, хотя они уже получили многие привилегии – военная машина действовала и приносила свои плоды.

– Мой повелитель, пусть жрецы откроют тебе все сокровенные тайны. Я уверен, что у них есть средство, которое

они хранят ото всех. Даже от тебя.

Весьма тонкий ход – использовать подозрительность Дария. Но нужно быть осторожным. Чтобы сомнения Дария насчет преданности приближенных не коснулись самого полководца.

Так и есть. Царь чересчур внимательно посмотрел в глаза военачальнику, но ничего не сказал. Датис выдержал этот взгляд, изо всех сил пытаясь придать своему лицу самое честное выражение.

Дарий отвернулся. Он снова взглянул на черное небо, прислушался к шуршанию дождя, который становился все сильнее. Царь приблизился к Мерксу и спросил:

– Что это у тебя?

Полководец помотал головой, осматривая себя, и вопросительно взглянул на царя.

– Мой повелитель?..

– Вот это.

Дарий ткнул пальцем в грудь военачальника.

Датис понял, о чем идет речь.

– Это талисман, мой повелитель.

– Он тебя оберегает?

– О да, мой повелитель. Благодаря ему я еще жив. Война – это война. И хочется быть в ней победителем.

Дарий коснулся бронзового медальона.

– Талисман... – задумчиво произнес он.

Датис был рад, что повелитель обратил внимание на при-

надлежавшую ему священную вещьцу.

– Если он оберегает тебя в бою, значит, приносит удачу? Датис пожал плечами. Насчет удачи трудно сказать, учитывая события двухлетней давности.

– А что, если я повелю сделать еще один талисман? Талисман Дария? Я прикажу жрецам вдохнуть в него силу богов. Пусть он оберегает не одного человека, но целое войско?

Датис задумался. Ему трудновато было осилить таинства технологий, связанных с такими загадочными вещами, как талисманы. Но люди верят в их чудодейственную силу! Цари тоже подвластны этому чувству. Даже маленькая вера в то, что тебя сохраняет кусочек тяжелого металла, вселяет спокойствие в твою душу, дарит уверенность в деле и надежду.

– Это будет мой талисман. Талисман царя Дария. Но ты возьмешь его с собой. Пусть он оберегает моих воинов и принесет нам победу. Афины должны пасть!

Ну что ж, Дарий все равно не успокоится. Он не знает, что жить ему осталось всего четыре года. Пусть повелитель персов тешит себя мыслью, что его наказание падет на Афины, и будет удовлетворен.

Дарий не мог простить Афинам того, что они помогли Милету на шесть лет лишить его сатрапов власти в этом ионийском государстве. Возмездие должно было свершиться еще два года назад. И только воля стихии спасла Афины. Если бы не свирепая морская буря, войска персов благополучно высадились бы у берегов Афинского государства.

Триста кораблей персов нашли гибель в пучине возле Афонского мыса. И целых два года понадобилось Дарию, чтобы снарядить новый флот и набрать тридцать тысяч солдат для нового похода на Афины.

— Итак, я решил!

Дарий гордо поднял голову и прикрыл глаза.

— Ты получишь талисман с моим знаком. Сбережешь его — я буду победителем. Если нет, ты погибнешь вместе с войском. Я не могу больше ждать. Афины должны пасть.

Датис смиренно склонил голову.

Он покинул дворец Дария, мысленно восхищаясь решимостью, с которой царь задумал во что бы то ни стало наказывать непокорное греческое государство, призывая на помощь себе все, что можно: и людское суеверие, и призрачную силу богов.

* * *

Корабли персов вышли в Эгейское море. Войска Дария направлялись к берегам Греции. Скоро Афины падут к ногам персидского царя. Если это случится, империя Дария станет еще более могущественной.

Суда персов впечатляли своей величественностью. Довольно громоздкие и не такие подвижные, как легкие галеры, они предназначались скорее для перевозки войск, чем для войны на море.

Датис стоял на носу судна, которое возглавляло морской поход. На его груди был спрятан медальон с изображением льва. Рисунок символизировал решимость и мощь царя. Знак повелителя персов красовался рядом с магическими письменами, которые должны были обеспечить благоприятное развитие событий, если только не понятные никому, кроме жрецов, символы могли спасти от бед и неудач.

Датис стоял молча и про себя обдумывал стратегию будущих сражений. Он не сомневался в мощи и решимости своих воинов. Надеяться только на удачу было бы глупо. Меч и копье, да еще стрелы – вот твои первые друзья и помощники!

К Датису подскочил младший военачальник, отвечавший за успешную работу экипажа корабля.

– Впереди Эвбея, мой господин!

Эвбея. Мятажный остров. Жители острова тоже помогали Милету вести восстание против сатрапов Дария. Месть царя распространялась не на одни Афины.

– Идем на Эвбею.

Город Эретрия на Эвбее падет. А потом его войска двинутся на Афины.

Корабли не торопясь приближались к острову. Воины столпились у бортов и жадно всматривались в слабые очертания берега. По мере движения судов они становились все более отчетливыми.

Воины Дария готовились к высадке.

У Эретрии был свой флот. Несколько лет назад эретрийцы

прислали свои суда и своих воинов на помощь Милету. Если бы не только Афины и Эретрия откликнулись на призыв ионийцев, у восстания был бы другой конец. Но могущественная Спарта и другие греческие области просто промолчали.

Первая часть морского путешествия была почти закончена.

– Мой господин! Греческая галера!

Небольшое судно эвбейцев виднелось впереди по курсу. Глаза Датиса запылали огнем, ему уже не терпелось начать бой.

Он отдал приказ двум кораблям перехватить галеру. Два массивных судна устремились за нею.

Эвбейцы не стали дожидаться, пока персы настигнут их в море. Они поспешили к своему берегу, забирая влево. Очевидно, именно там они и должны были пристать.

Корабли персов двинулись наперерез грекам.

– Пусть уничтожат их на берегу... – сквозь зубы процедил Датис.

Лучники уже готовились к работе. Отставив в сторону копья, они испытывали натяжение своих смертоносных тетив.

Расстояние было слишком большим, чтобы стрелы персов могли принести хоть какую-нибудь пользу своим хозяевам.

Корабли персов приближались.

Галера греков пристала к берегу. Гребцы и солдаты столпились на берегу, всматриваясь в морскую даль. Туда, где виднелись очертания вражеских кораблей.

Воины Дария уже приблизились на достаточное расстояние.

— Лучники! — послышалась команда.

Борта обоих кораблей оцетинились острыми наконечниками.

С берега было не очень хорошо видно, что делается на огромных судах персов. Греки продолжали тревожно следить за маневрами вражеских воинов, очевидно, не зная, что следует предпринять.

Послышался приглушенный крик. Стрела персидского воина впиалась в руку одному из гребцов. Многие стрелы нырнули в прибрежные воды, некоторые вонзились в обшивку галеры или распахали острыми наконечниками песчаную поверхность берега.

Еще несколько греков упали на камни.

— Укрыться за галерой! — послышался приказ их предводителя.

Беспорядочная толпа греческих солдат торопливо спряталась за небольшим суденышком. Персы продолжали посылать смертоносные стрелы. С чмокающим звуком наконечники вспарывали деревянные борта галеры.

Один из гребцов побежал прочь, пытаясь найти убежище в прибрежных скалах. Впившись в шею, его настигла стрела персидского воина. Гребец даже не попытался дотянуться рукой до смертельной раны, из которой хлестала кровь. Приняв как должное свою гибель, он распростерся на земле,

шепча молитву богам. Его губы шевелились все медленнее, пока веки не дрогнули в последний раз.

Оба корабля приближались.

Послышалось шуршание днища о подводный песок. Персы в обнимку с копьями, придерживая закрепленные на спинах щиты, прыгали прямо в воду. Их воинственные выкрики заглушали громкие всплески. Брызги соленой воды ослепляли алчущих крови. Воины громко отплевывались, выкрикивали бранные слова. Не обошлось и без случайностей. Кого-то ударили по лицу. Кто-то случайно напоролся на острие копья. В пылу воинственного жара ни на что не обращали внимания. Персы торопились дать первый в этом походе бой малочисленному отряду греков.

– Отходим! – послышался голос предводителя греков.

Лучники персов перестали стрелять, опасаясь задеть своих же воинов. Этим поспешили воспользоваться греки. Бросив на произвол врага галеру, держа наготове короткие мечи, они поспешили прочь, надеясь уйти от преследователей.

Персы громко закричали, увидев, что враг пытается ускользнуть. Путаясь в длинных одеждах, они ускоряли свой бег, не желая дать грекам уйти.

Вдруг предводитель эвбейцев обернулся и окинул взглядом берег острова, пестревший одеждами воинов царя Дария.

– Стойте! – скомандовал он своим товарищам, подняв кверху меч.

Греки замерли.

— Мы все равно умрем! Персов слишком много. Они догонят нас и перебьют. Не лучше ли умереть сразу, как герои, чем погибнуть по одному, убегая от врага.

— Смерть персам! — закричали отважные греки, потрясая мечами.

Персы остановились, видя, что враг больше не бежит, а повернулся к ним лицом.

Греки стали нагибаться к земле и поднимать тяжелые круглые камни.

В ход были пущены пращи. Камни летели в персов, поражая тех, кто не успел укрыться за своим щитом.

Персы взревели от ярости и бросились к горстке смельчаков. Видно, судьба греческих воинов была такова, что им постоянно приходилось сражаться с превосходящим числом солдат противника. Так было доселе и так будет впредь. История — тому подтверждение.

Бой начался. Людские уста безмолвствовали. Оружие издавало звуки, которые были приятны лишь самой смерти.

Наконечники копий раздирали человеческую плоть, ломали кости и обрывали сухожилия. Короткие мечи рассекали кожу и перерубали позвонки. Один за другим падали греческие воины, пронзенные сразу с нескольких сторон. Нес потери и отряд персов, оставляя на прибрежных камнях солдат, истекающих кровью.

Датис не мог видеть всего, что происходило на берегу. Но

он не сомневался, что воинов с греческой галеры ждет гибель.

– Первая удача... – прошептал он, нащупывая спрятанный на груди медальон царя Дария.

Войско персов высаживалось на остров Эвбея.

* * *

– Гонец! Гонец из Эретрии!

Взволнованные возгласы тревожили жителей Афин больше, чем прямая угроза вражеского нападения. Незвестность пугает во сто крат сильнее.

Запыленный гонец спешил доставить новость, которая не обрадует Афины.

Собственно, это была уже не новость. Эретриец сообщал о происшедшем всякому, кто попадался на его пути. Его бег могла оборвать любая случайность. Пусть же люди узнают обо всем как можно быстрее.

– Эретрия пала!

Войско Дария опустошило славный город на Эвбее. Месть царя персов начала осуществляться. Это была большая удача Меркса. Талисман полностью оправдывал свое предназначение.

Эретрия была захвачена без особых потерь со стороны персов. Датис объяснял это чудодейственной силой медальона. Он ходил по улицам павшего города с гордо поднятой

головой и посмеивался в ответ на приветственные возгласы своих солдат.

Следующим пунктом были Афины. Датис рассчитывал подойти к Афинам с севера, высадившись на побережье Атики.

Между тем в Афинах уже готовились к войне.

* * *

Полководец Мильтиад получал сообщения от своих военачальников о численности вражеского войска. Противостоять персам, имеющим огромный численный перевес, было непросто. Следовало во что бы то ни стало уравнивать силы.

– Сколько воинов сумеют выставить Афины против Дария?

Военачальники посовещались и доложили:

– Около десяти тысяч.

– Каково войско у персов?

Этот вопрос несколько смутил полководцев. Силы, возглавляемые Датисом, превосходили войско греков в два, а то и в три раза. Точного числа никто пока не мог назвать.

К Мильтиаду пропустили лазутчиков, которые должны были следить за продвижением вражеского войска.

– Персы высадились у селения Марафон!

Мильтиад помрачнел. От Марафона до Афин два дня перехода. При желании переход можно сделать и за один. Пер-

сы очень близко. Афины в смертельной опасности.

– Посылайте гонца в Спарту! Просите о поддержке! Пусть направят воинов к Марафону, мы немедленно выступаем туда.

Гонец отправился в Спарту, а Мильтиад отдал приказ о выступлении.

Десять тысяч воинов выступили из Афин и направились к селению Марафон. Туда, где расположилось лагерем многочисленное войско персов.

Полководец Датис ожидал приближения греков. Лазутчики уже доложили ему, что воины Мильтиада выступили и вскоре должны достигнуть Марафона.

Мильтиад приказал разбить лагерь, укрепить его и ждать подхода спартанцев. Лазутчикам было приказано узнать как можно больше о войске персов, которые пока не торопились наступать.

– Мой господин, греки приближаются, наверное, они встанут против нас, – доложил Датису один из военачальников. – Мы знаем, что они ждут подкрепления.

Датис задумался.

Тем временем в лагерь Мильтиада прибыл гонец с известием от спартанцев.

– Спарта обещает помощь, но они пока не могут выступить.

– Почему? – удивился Мильтиад.

– Они не должны покидать свою страну до полнолуния.

Так решили жрецы.

Мильтиад был взбешен. Чтобы храбрые, проверенные в боях воины оказались заложниками высокомерных жрецов?..

– Мы будем драться. Пусть даже в одиночку. Ждать до полнолуния мы не можем.

* * *

Хилаим и Фескер были опытными лазутчиками. В эту безлунную ночь им предстояло пробраться в лагерь персов и узнать, что замышляют воины царя Дария.

Тяжелые доспехи и лишнее оружие они оставили в лагере, решив воспользоваться лишь короткими мечами. Пробраться во вражеский стан нужно абсолютно бесшумно, иначе будешь поднят на копья.

В полной темноте лазутчики проскользнули к границе вражеского лагеря и благополучно миновали часовых.

В лагере персов горели костры. Вокруг них сидели солдаты, которые явно не собирались ложиться спать. Они переговаривались вполголоса, обсуждая, по-видимому, предстоящее сражение.

Лазутчики греков уже знали, что численность войска царя Дария составляет около тридцати тысяч человек. В три раза больше, чем насчитывается в лагере Мильтиада.

– Ну что?.. – еле слышно прошептал Хилаим.

– По-моему, он вон в той палатке.

– Почему ты так думаешь?

– Она самая большая.

– Да, но возле нее только один часовой.

– А о чем это говорит?

– Военачальников обычно охраняют несколько солдат сразу.

– Тут весь лагерь охраняет его. Никто не спит. Как будто не собираются воевать.

Хилаим промолчал.

– Проклятые персы. Как бы узнать, что у них на уме?

– Это невозможно. Подобраться ближе равносильно смерти.

– А может, попробуем?

Лазутчик не ответил. Риск был слишком велик. При всей отваге не следовало быть безрассудным.

От ближайшего костра поднялся воин. Он медленно направился в ту сторону, где затаились греки. Это был неосвещенный участок лагеря, усеянный камнями. Камни буквально вросли в землю, кое-где их покрывала трава. Наверное, поэтому здесь не стали ставить палатки.

Лазутчики нагнули головы и вжались в землю. Перс остановился в нескольких шагах от греков. Он напевал себе под нос какой-то национальный мотив. Солдат задрал свою накидку и застыл. Лазутчики услышали журчание и облегченно вздохнули.

Справив нужду, воин вернулся обратно к костру. Он подкинул в огонь несколько хворостинок и продолжил разговор с товарищем.

– Давай подберемся поближе к ним.

– С какой целью?

– Послушаем, о чем они говорят.

– Зачем нам это?

– Ну хоть что-нибудь мы должны узнать.

Лазутчики подтянулись на локтях и заскользили к ближайшему костру.

Прошло немало времени, пока они приблизились на расстояние, позволившее различать слова.

Хилаим и Фескер были опытными воинами, понимавшими язык персов. Именно поэтому они и вызвались пробраться во вражеский лагерь.

Сидевшие у костра воины болтали о чем угодно, только не о том, что могло бы заинтересовать греков.

Обоим лазутчикам уже порядком надоело слушать эту болтовню, когда персы заговорили о своем военачальнике. Греки стали внимательно слушать.

– Датис непобедим. Вспомни, как мы захватили Эретрию.

– Да, Датис силен. Может, ему просто везет?

– Нет, не просто. Говорят, Дарий вручил ему талисман.

– Какой?

– Ну, талисман, дарующий победу. Ты что, не заметил, как на этот раз у него все легко и просто получается.

– Выходит, все дело в талисмане?

– Да. Завтра мы перебьем греков и захватим Афины.

– А какой он, этот талисман?

– Говорят, в виде медальона. Он носит его на груди.

– Датис?

– Да.

Воины замолчали. Видимо, каждый из них обдумывал услышанное.

Хилаим сделал знак своему товарищу. Лазутчики стали пятиться назад.

Оказавшись на безопасном расстоянии, они решили заговорить.

– Ты слышал?

– Да...

– Как ты думаешь, это правда?

– Не знаю, мало ли о чем болтают солдаты, да еще ночью.

– Послушай, а если мы добудем этот талисман?

– Как?

– Убьем этого самого Датиса и найдем медальон.

– И тогда персы не смогут больше побеждать.

– И мы их разобьем.

Эта мысль настолько захватила лазутчиков, что ни о чем другом они уже думать не могли.

– Нужно отыскать его палатку.

– Давай подождем еще. Скоро почти все персы уснут. Не так много глаз сможет нас увидеть.

Лазутчики затихли.

Лежа между сырыми камнями, они обдумывали план, как быстро и незаметно отыскать палатку военачальника Датиса.

Им помогла роковая случайность, которая стала гибельной для одного из их товарищей.

Со стороны селения Марафон послышался шум, который привлек внимание обоих лазутчиков.

Несколько персидских воинов тащили схваченного афинского солдата.

Персы повскакивали со своих мест, выкрикивая бранные слова в адрес пленника.

– Ведите его к Мерксу, к полководцу!

Почти тотчас же из той самой палатки, которую еще до этого заприметили Хилаим и Фескер, появился перс в богатой одежде. Он ждал, когда пленника подведут к нему.

– Наверное, это Меркс, – прошептал Хилаим.

Его товарищ судорожно сжимал рукоятку меча, готовый броситься на выручку попавшему в беду афинянину.

– Не делай этого, – прошептал Хилаим, понявший движение Фескера, – ему ты ничем не поможешь, только сам пропадешь и меня погубишь.

Фескер в бессилии замотал головой.

Хилаим схватил его за плечо и прошептал:

– Смотри!

Афинянин вырвался из рук державших его персов и бросился прочь.

Один из солдат кинулся ему в ноги. Герой упал на камни, и тут же ему в шею вонзилось копье персидского воина.

Лазутчики, следившие за происходящим, опустили вниз глаза, беззвучно молясь за погибшего товарища.

Тот, кто явно был Датисом, коротко отдал какие-то распоряжения и скрылся в палатке.

Персы подхватили бездыханное тело афинского воина и потащили его прочь. Лазутчики продолжали наблюдать за тем, что происходило в лагере.

Буквально через полчаса все успокоилось. Большинство солдат улеглось спать прямо у костров, которые горели уже не так ярко.

Поднялся ветер. Он неприятно холодил полуобнаженные тела греков. Персы, сидевшие у костров, закутались в накидки и погрузились в свои думы.

Близился рассвет. Пока ночная темнота окутывала землю, нужно было что-то предпринимать.

– Да помогут нам боги, – прошептал Хилаим.

Лазутчики медленно двинулись к палатке военачальника персов.

Часовой, охранявший вход, спал стоя, опершись на свое длинное копье. Лазутчики подползли к задней стенке палатки и застыли, прислушиваясь. Было тихо. Лагерь погрузился в дрему, готовый пробудиться от малейшего шума.

Фескер осторожно приподнял край палатки и попробовал заглянуть внутрь. В палатке Датиса было тихо. Лазут-

чик прислушался. Наконец он услышал дыхание персидского полководца. Оно было ровным и шумным. Грек приподнял край повыше и проскользнул внутрь. Хилаим остался снаружи.

Стараясь действовать бесшумно, лазутчик занес свой меч над ложем полководца. Затем, передумав, Фескер опустил его вниз. В темноте можно нанести неверный удар и этим погубить все дело.

Лазутчик осторожно коснулся шеи Датиса пальцами обеих рук, нашел удобное положение для захвата и навалился на спящего всем телом.

Датис захрипел и схватил афинянина за руки, пытаясь разжать их. Фескер душил полководца, стараясь не ослаблять хватки.

Персидский военачальник сопротивлялся изо всех сил. Лазутчик чувствовал, что его хватка ослабевает. Меркс был очень силен. Освободив одну руку, афинянин принялся шарить по груди полководца. Нашупав что-то вроде медальона, лазутчик рванул руку к себе.

Датис издал хриплый звук и попытался схватить Фескера. Афинянин нанес полководцу два удара кулаком в голову и выскочил из палатки, сбив с ног часового, который тут же очнулся и попытался закричать.

К часовому подскочил Хилаим и вонзил свой меч прямо в сердце персидского воина. Тот дернулся, лежа на земле, и остался неподвижным, уже бессознательно раскрыв рот.

– Бежим!

Лазутчики бросились прочь, прыгая через угасающие костры и задевая спящих солдат.

Полог палатки полководца затрепетал, и полузадушенный, избитый Датис показался на ее пороге.

– Тревога! – прорычал он хриплым голосом и закашлялся.

Когда дар речи снова вернулся к нему, полководец закричал:

– К оружию, солдаты, в лагере афиняне!

Полусонные воины повскакивали со своих мест, и беспорядочная толпа закружилась водоворотом.

Греческие лазутчики прорывались из лагеря, разя мечами направо и налево.

Ночная темнота только начинала рассеиваться, и очертания людей были довольно смутными. Это и спасло храбрых афинян. Короткая схватка с часовыми, охранявшими лагерь, – и они были свободны. Истекавшие кровью персидские воины – последнее, что оставили греки на память о себе.

* * *

К Мильтиаду буквально влетел младший военачальник с взволнованным криком:

– Мой господин, в лагере персов паника!

В ту же минуту афиняне были на ногах. Они с тревогой

ждали развития событий.

* * *

– Смотри...

Фескер разжал ладонь. Рассветное солнце едва осветило блестящий медальон с изображением льва. Талисман царя Дария.

– Тот самый талисман, как ты думаешь? – с сомнением спросил Хилаим.

Его товарищ пожал плечами. Какой же еще, если не этот.

– Смотри, тут знаки.

Лазутчики с трепетом рассматривали медальон, который приносил персидскому войску удачу в битвах.

– Ну все, пошли в лагерь.

Фескер собирался спрятать драгоценную вещицу в своих одеждах, но тут же упал бездыханный. В спине его зияла отвратительная резаная рана.

Хилаим молча вытер кровь с короткого меча, нагнулся и подобрал упавший на землю медальон.

Пора было возвращаться в лагерь.

* * *

В битве возле селения Марафон войско Мильтиада храб-

ро встретило втрое превосходящие силы персов. Воины царя Дария позорно бежали, оставив на поле брани более шести тысяч убитых солдат. Мильтиад потерял в этой битве в тридцать раз меньше воинов, чем Меркс. Даже в одиночку афиняне были сильны. Возможно, легенда о талисмани царя Дария была сущей правдой. Начало пути талисмана по миру было обогрето кровью. Кто знает, может быть, не последней?

Глава 2

Утро этого дня я начала с того, что прочла в газете свой гороскоп.

Так и есть! По гороскопу выходил неудачный день.

Это я знала еще вчера. Но почему-то решила посмотреть еще раз. Неужели надеялась, что прогноз изменится?

В то же время не совсем ясно, как следует относиться к газетным гороскопам. Мы же все-таки не американцы.

Вот они – другое дело. Гороскоп для них – святое. Говорят, что каждое утро на радио и телевидении для них начинается именно с гороскопа.

А все потому, что эти самые неисповедимые звездные пути у них там вычислены на совесть. Не то что у нас.

У нас, если хочешь получить верный гороскоп, нужно найти настоящего специалиста. Каковых не так уж и много. Я, кстати, могу составить себе настоящий гороскоп. Но на это нужно время. Оно есть не всегда.

Вообще, как ни глянь, у американцев – все на совесть. У нас же, наоборот, совесть в деловом процессе не участвует. Ну ладно, извините, участвует... Только не так, как хотелось бы.

Вот и получается, что наша жизнь состоит из сплошных тестов. Совпало ли у тебя все сегодня по гороскопу или не совпало. Тоже разнообразие.

Правда, обычно получается так – если у тебя неудачный день, то все совпадет идеально, если у тебя выпадает удачный день, то, наоборот, жди капризов судьбы. А уж про ее капризы мы наслышаны.

Хотя, постойте! У меня однажды был очень хороший денек – все получилось как нельзя лучше – со всеми договорилась (уже не помню, о чем), все успела (уже не помню, что) и никто не трепал мне нервы (кто именно этого не делал, я помню отлично). А по календарю выпадал «опасный день». Правда, следующий такой опасный день был действительно опасным. Мне чуть не проломили голову. У частных детективов это бывает.

Вообще-то у нашего брата много чего бывает. Об этом даже стоит написать пару книжек. Собрания сочинений, пожалуй, не выйдет. Как ни ценна подобная информация, на тридцать томов с приложением ее не хватит.

Но не слишком ли много раздумий с утра? Это, наверное, от скуки. Последние дни я не занята ничем. Никаких дел. Даже самых простых и нудных.

Вот так бывает всегда. Сначала падаешь от усталости, клянешь всех и вся и даешь себе зарок переквалифицироваться в астролога или гадалку. Ну в крайнем случае заниматься делами не опаснее адюльтерных (только по высшей ставке!) с двухнедельными отдыхами между каждым обнаруженным альковым.

Как же! Двухнедельный отдых! Не проходит и трех дней,

как начинается внутренний зуд. И зудит-то так нудно и неприятно.

Короче, хочется опять браться за работу. Но этот момент не всегда желает наступать.

Чувствуете? Меня понесло. Это я тяну время перед тем, как попытаться начать дознание. Дознание по одному из методов Татьяны Ивановой. В данном случае – самодознание.

Какой бы выбрать способ? Можно раскинуть...

Нет-нет, не мозгами. Это я еще успею. Раскинуть карты. И проанализировать их сочетание. То есть – попросту погадать. Великая вещь!

Дама трэф.

Семерка пик.

Десять – в червях.

Это значит...

«Вашему вынужденному отдыху сегодня наступит конец».

Ну вот, Танечка, а ты волновалась.

Скоро кто-то заявится и начнет расписывать свои несчастья.

Интересно будет послушать.

А теперь – кофе.

Честно говоря, день сегодня действительно неудачный. Или, может, утро такое выдалось.

Я случайно зацепила большим пальцем чашку с кофе, и половина напитка выплеснулась на стол.

Если дела пойдут так и дальше, то ничего хорошего из этого не выйдет.

Звонок в дверь.

Ну вот и началось!

Что-то рано. Да и звонок слишком настойчивый. Как к себе домой. Пойду открою.

Вот черт! Выходя, задела бедром угол стола, его как следует тряхнуло, и остаток кофе выплеснулся из чашки прямо на полировку.

При таком развитии событий придется покупать клеенку. На пороге стояла моя подруга Светлана.

– Здравствуй...

«Здравствуй!» Светка явно не в духе. Обычно она говорит «привет, Танечка» или «Танюшечка», и другие хорошие суффиксы. Откуда взялась официальность? Явно что-то случилось.

Я улыбнулась в ответ и постаралась, чтобы моя улыбка была как можно более теплой. Когда у человека неприятности, первым делом его надо подбодрить. Хотя бы улыбкой, если больше нечем.

– Проходи.

Светлана решительным шагом прошла в комнату. Да, сегодня ей есть что рассказать. Издалека видно.

Хорошо, что я успела хоть немного навести порядок. То есть застелить место свиданий с Морфеем. Потому что Светлана плюхнулась на кровать прямо в плаще. Кстати, и сапоги

не сняла.

Я хотела было напомнить ей, что в коридоре моей квартиры есть кое-что, напоминающее гардероб, но не стала. Когда человек в таком состоянии, приходится быть сдержанной.

На Светлану было прямо-таки жалко смотреть. Косметика наложена грубыми мазками, а это сейчас даже в живописи не модно. Веки припухли. Кисти рук нервно дергаются.

– Можно закурить? – хриплым голосом спросила она.

Я пожала плечами.

Честно говоря, клиенты в разобранном состоянии способны выкуривать не менее пачки сигарет в час. Запах курева въедается во все, что находится в комнате. При таком раскладе надо переезжать каждую неделю, а на брошенной квартире рисовать знак экологической опасности. Но переезжать я не люблю...

А с другой стороны – возразить клиенту, который пытается подбодрить себя никотином, у меня просто язык не поворачивается.

Светлана порылась в своей сумочке, нашла смятую пачку и, шурша целлофановой оберткой, с трудом вытащила на свет полусломанную сигарету.

За спичками мне пришлось сходить на кухню. Затем я распахнула настежь окно, хотя сезон был далеко не пляжный.

Неприязнь к газовым камерам.

Я ждала, пока Светлана немного успокоится и сама пове-

дает мне о своих несчастьях. Лучше, если это будет так.

Сделав несколько судорожных затяжек, она решила начать разговор:

– Таня, у меня две новости. Одна плохая, а другая еще хуже.

Я приготовилась слушать.

Из глаз Светланы полились слезы. Она бросилась за носовым платком. И совершенно внезапно разрыдалась.

Я пошла приготовить кофе. Надо же чем-то занять человека, чтобы он не убивался так.

Растворимый кофе готовится быстро. Я добавила в него немного молока. Все-таки нельзя быть откровенным врагом здоровью. Хотя бы и чужому. Злоупотреблять сахаром тоже вредно.

Когда я вернулась в комнату, Светлана уже немного успокоилась.

Бросив «спасибо» за кофе, она отхлебнула глоточек и поставила чашку на краешек табуретки, которую я предусмотрительно пододвинула поближе к софе.

– У нас умер дедушка.

Светлана снова прижала платочек к глазам.

– Это случилось вчера. Должно быть, под утро.

Я внимательно слушала. Да уж, действительно жалко. Емельяна Петровича я знала. Ветеран войны. Умница. Работал в газете. Был активным общественником. Умел пошутить, поговорить буквально обо всем на свете. Таких людей

всегда жалко терять. Жалко, что они уходят, а мы остаемся один на один с разной дрянью. И этой дряни с годами становится все больше и больше.

Причина этого, как мне думается, кроется в образе жизни тридцатых-сороковых годов. Именно тогда с лица земли нашей российской исчезло столько замечательного люда. Кого именно расстреливали и отправляли в лагеря? Самых умных, самых трудолюбивых и, если хотите, самых честных. И только потому, что им завидовали те, кто являлся их полной противоположностью. То есть не умные, не трудолюбивые и, само собой разумеется, не честные.

Таким образом, лучшая половина россиян потихоньку исчезала, унося с собой замечательные гены, которые могли дать миру не менее замечательных потомков, а оставшаяся в живых мразь размножалась, плодя себе подобных. Так что стоит ли удивляться тому, что сегодня вокруг нас так много негодяев. И та небольшая часть порядочных людей, с которыми мы еще можем иметь дело и общаться, – это чудом уцелевшая прослойка, которую не успели оболгать разные мерзавцы. У них попросту закончилась бумага для доносов, а купить новую им не позволила патологическая скупость.

Простите меня за столь пространное отступление. Просто мое сочувствие к людям выражается иногда вот в такой форме. Жалко, аж зло берет!

Светлана продолжала рассказывать, а я слушала дальше: – Конечно, жаль деда. Но он хоть пожил на этом свете. И

хорошо пожил, счастливо. С войны вернулся. Живой, не инвалид. Все было отлично. Меня в общем-то не это волнует. Все мы уйдем когда-нибудь. И я... И ты...

Никто так не умеет поднять настроение, как философствующий клиент.

Я потихоньку отодвинулась к письменному столу и незаметно постучала по деревянной крышке.

– Перейду к главному, – Светлана почти успокоилась. – У нас случилась неприятность, которая задела меня больше, чем смерть деда.

– ?..

– У деда много наград. С войны. Медалей, орденов.

Она отпила глоток кофе.

– И среди них был один медальон...

– Почему был?

– Да ты слушай!

– Слушаю.

– Невзрачный такой. Сейчас подобные штучки могут выпилить даже школьники на уроках труда.

– Медальоны не выпиливают.

– Ну, неважно...

– Ближе к теме, если можно.

– Короче, он исчез.

– Исчез или...

– Его украли.

– Украли?

– Я в этом уверена.

– Он представляет ценность?

– Какая уж ценность? Так, ерунда. Сейчас за ордена дают такие большие деньги...

– А ордена на месте?

– Вот именно, что ордена на месте. Самое ценное на месте, а какая-то мелочь исчезает.

– Может, это совсем не мелочь?

– Да не похож он на антиквариат или еще что-нибудь в этом роде.

– Зачем же тогда его похитили?

– Могли подумать, что он имеет ценность.

– Хорошо. Если это никчемная безделушка, чего же ты суетишься?

– Меня задело...

Светлана всхлипнула и снова полезла за платочком.

– Меня задело, что это произошло в такой момент. Даже не задело... Меня это оскорбило до глубины души. Что же это за люди такие? В доме горе, а они воруют вещи, которыми покойный дорожил.

– А от меня ты чего хочешь?

– Найди его.

– Кого?

– Этого мерзавца. Я хочу знать, кто из нашей семьи решился на такое. Я понимаю, стянуть вещь по прошествии времени, но когда...

Светлана заплакала. Затем взяла себя в руки.

– Ну, в общем, я тебе рассказала, а теперь решай.

Пришла моя очередь вести разговор.

– Значит, вещь не драгоценная?

– На золото или другой металл не похоже. Уж я разбираюсь.

– Не скажи. Золото бывает разное. Иногда и не подумаешь, что это золото. На самом же деле...

– Была бы вещь стоящая – хранилась бы вместе с ценностями, в потайном месте! А медальон валялся вместе с медалями и орденами в картонной коробке.

– А как он выглядел?

Светлана пожала плечами.

– Обыкновенно выглядел. Круглый, изображение на нем стертое. Лев, что ли... Буковки разные.

– Может, историческая ценность?

– Дед этим не интересовался. Так, память о днях минувших.

– А кто был в доме?

– Все были. Сколько народу понаехало! Половину не знаешь в лицо.

– Подозреваешь кого-нибудь?

– Да всех. Всех и каждого.

– Но ведь похититель должен был знать об этой вещи.

– Не обязательно. Открыл коробочку. Увидел вещицу. Протянул руку, и был таков.

– Непростую задачку ты мне подкинула.

– Татьяна, я прошу тебя, найди этого человека! Я хочу увидеть его глаза. Я ему...

Вот этого я не одобряю. Еще не разобрались, в чем дело, а уже «я ему...».

– Пожалуйста, успокойся.

– Я спокойна.

– Ну, успокойся еще больше.

Светлана промолчала. Она знала мой характер.

Какой характер? Вам это так интересно знать? Сейчас доложим.

Ну, во-первых, я – педант. В хорошем смысле этого слова. Не люблю, когда кто-нибудь не приходит на встречу, о которой договорились.

Не люблю халтурщиков. Не умеешь, лучше не делай.

Я упряма. Могу ходить в одно и то же место по сто раз. С некоторыми перерывами, чтобы там обо мне забыли и не ожидали очередного визита. Чтобы как снег на голову.

Не люблю, когда мне мешают, отвлекают, прерывают и врут.

Люблю следить за своим здоровьем. Не то что люблю, а стараюсь вести себя соответственно. И ругаю себя последними словами, когда сделаю что-нибудь себе во вред.

Я могу много работать и не уставать. Если что-то надо сделать, я стараюсь выполнить намеченное.

Я остра на язык. Могу поддеть так, что объект моего яз-

вительного замечания станет моим врагом на всю жизнь. Но без причины и без явного повода я этого не делаю.

Был один такой случай.

Малознакомый молодой человек, с которым я столкнулась несколько лет назад, работая в одной малопривлекательной организации, считал себя большим оригиналом и думал, что ему дозволено издеваться над людьми.

Причем подтрунивал он над всеми, кроме начальства, и делал это в очень обидных выражениях.

Однажды мне довелось стать объектом его шуток, причем в больших дозах и в течение длительного времени. Пришлось ответить. Получилось это в тот момент, когда он этого просто не ожидал.

И что бы вы думали? Он побежал следом за мной, настиг меня в другой комнате, где в тот момент никого не было, стал замахиваться кулаком, кричать, что он нервный и таких вещей не прощает.

Я молча слушала его визг и не отвечала. Блаженны кроткие, ибо они наследуют царство Божие.

Лично я хотела бы унаследовать землю.

Остальные качества моего характера вы можете понять или вычислить из написанного...

– Когда я могу посетить дом Емельяна Петровича?

– Когда угодно. Хоть сейчас.

– А где находится покойный?

– В судмедэкспертизе.

Достойный пример нашей сверхподозрительности. Никто уже не верит, что люди могут умирать своей смертью по причине старости. Заключение врача веры нет. Пусть патологоанатомы поиздеваются над телом вдоволь, чтобы написать на бумажке тот же диагноз, что и предполагался заранее.

– Кто его отвез?

– Помогает одна фирма.

– А сами что, не справляетесь?

Светлана пожала плечами.

– Люди этим занимаются профессионально. Мы делаем то, что от нас зависит.

С другой стороны, и правильно. Пора уже немного снять с себя груз неведомых забот. Тот, кто впервые сталкивается с подобными проблемами, испытывает вполне понятные трудности. Если есть возможность обратиться к фирме, работающей в этом направлении, то нужно этим воспользоваться. Кстати, это касается не только похорон, но и других сфер быта.

Поневоле вспомнились Ильф и Петров и их незабвенное: «В уездном городе N было так много парикмахерских заведений и бюро похоронных процессий, что казалось, жители города рождаются лишь затем, чтобы побриться, остричься, освежить голову вежеталем и сразу же умереть».

Что и говорить, рост числа парикмахерских и похоронных служб характерен для периода развития капитализма в России. Так было семьдесят лет назад, так стало и сейчас.

– А работники фирмы не могли стянуть... ой, прости, украсть медальон?

Светлана внимательно поглядела на меня.

– Все может быть, утверждать не буду.

– Когда похороны?

– Завтра. В двенадцать дня.

– А поминальный обед?

– Сразу после...

Как обычно, ситуация веселенькая. У людей горе, а я буду выяснять, кто утащил антикварную вещицу. Трясти за шиворот каждого поодиночке и пытаться найти правду.

– Сколько это будет стоить?

– Что? – я словно очнулась.

– Сколько мы будем должны за услуги?

Я вздохнула про себя.

– Пока ничего.

Глава 3

Сенатор Марцелл втайне от других вздыхал о несравненной Летиции. Эта дама была женой Антония, с которым Марцелл виделся слишком часто по той причине, что тот тоже был сенатором. Собственно, если бы не это обстоятельство, то Марцелл никогда не увидел бы Летиции и не воспылил страстью к ней.

Марцелл был немолод. За свою жизнь он познал любовь многих знатных и незнатных дам, и вот новое влечение завладело им.

Летиция была, как говорится, полностью в его вкусе. Она обладала пышными формами, миловидным личиком и веселым характером.

Марцелл представлял в своих далеких от целомудрия мечтах, как он держит в своих объятиях это восхитительное тело и вдыхает его не менее восхитительный аромат. В том, что тело Летиции обладает именно такими качествами, сенатор нисколько не сомневался.

В часы заседаний сената и после них Марцелл прикидывал способы привлечь к себе внимание несравненной дамы. Они были недостаточно знакомы, поэтому нужно было тщательно продумать, каким должен стать первый шаг.

Несмотря на свой жизненный опыт, сенатор был стеснителен, когда дело касалось любовных отношений. Он мог быть

прекрасным оратором, общительным собеседником, но часто проявлял застенчивость в обществе дам.

Марцелл относил это на счет своей невыразительной внешности, которая, по его мнению, не могла разжечь пламенную страсть в сердце дамы. Впрочем, его прежние увлечения и связи имели довольно долгую жизнь. Поэтому сенатор надеялся на успех и молил богов об удаче.

Его сильно смущало, что Летиция была женой сенатора. Хотя распутная жизнь именно таких дам была известна всему миру еще со времен Калигулы.

Конечно, время идет, нравы меняются, но женщина есть женщина, и кто знает, может быть, в ее душе найдется местечко для немолодого, но полного надежд римлянина?

Сам сенатор Марцелл был невысокого роста, довольно грузен, хотя и узок в плечах. Поэтому он надеялся на успех у женщин миниатюрных, но с прекрасно развитыми формами. Несравненная Летиция была именно такой. Нельзя сказать, что она была слишком маленького роста, но рядом с нею Марцелл не мог чувствовать себя ущемленным.

У сенатора, человека, причастного к созданию законов и имеющего в связи с этим неплохо скроенные мозги, появился некий план, который должен был помочь ему осуществить свои чаяния в отношении Летиции.

Поначалу он решил сблизиться с Антонием. Найти подходящие темы для споров, которые бы плавно переходили в дружескую беседу, было несложно. Уходя с заседаний, сена-

торы продолжали обсуждать дела, и нередко именно в эти минуты они приходили к правильному решению той или иной проблемы.

Эта часть плана была легко осуществима. Марцелл не слыл человеком порочным и трудным в общении, поэтому все, кто его знал, относились к нему вполне дружески.

Так что вскоре Марцелл и Антоний уже покидали зал заседаний вместе и, ведя приятельскую беседу, прогуливались по улицам Рима по пути домой.

Вторая часть плана должна была осуществиться сама собой. Однажды несравненная Летиция дожидалась мужа после заседания. Она была в сопровождении служанки и рослого телохранителя. У Марцелла сильно забилося сердце, когда они с Антонием вышли на улицу и влюбленный сенатор увидел предмет своего вожеления.

Антонию ничего не оставалось, как представить супругу приятелю.

По пути домой Марцелл старался поразить собеседников остроумием и правильностью слога. Он бросал нежно-дружеские взгляды на Летицию и говорил чуть ли не стихами.

С каждым днем он чувствовал, что его страсть усиливается и вот-вот наступит миг, когда ее просто невозможно будет сдержать.

Пора было переходить к более решительным действиям.

Марцелл долго раздумывал, каким же подарком заманить несравненную Летицию к себе. Он тщательно перебирал в

уме свои возможности и пока не мог сделать разумного выбора.

Наконец сенатор решил соблазнить Летицию медальоном, который хранился в их семье и, по преданию, когда-то принадлежал одному из персидских царей. Какому именно, Марцелл не помнил. Да и что такое какая-то древняя сатрапия в сравнении с Великим Римом.

Оставалось только дожидаться случая, чтобы переговорить с Летицией с глазу на глаз. Дружеские отношения с Антонием вполне могли позволить делать приглашения на обеды, но, к сожалению, занятость сенаторов в данный момент отодвигала этот приятный для обеих сторон шаг на некоторое время. А Марцелл уже буквально сгорал от нетерпения.

И случай вскоре представился. Антоний слегка занемог и не смог присутствовать на заседаниях. Марцелл, конечно же, не преминул воспользоваться моментом, чтобы навестить приболевшего приятеля. Посидев у изголовья Антония и посочувствовав ему от всей души, Марцелл посоветовал Антонию быть умеренней в еде и почаще посещать бани.

Оставив Антония на попечение домашних, Марцелл не стал торопиться к себе, а завел беседу с Летицией, когда она провожала гостя до дверей.

– О несравненная Летиция, мне кажется, твой муж не слишком разборчив в пище и этим усугубляет свое нездоровье.

– Все дело в привычке, а в таком возрасте трудно отка-

заться от того, с чем прожил всю свою жизнь.

Слова Летиции были разумны. Это усилило расположение Марцелла к ней.

– И все-таки в силах женщины повлиять на то, что кажется уже незыблемым и неподвластным переменам.

– Не знаю, стоит ли искать новую реку в старом истоке.

Довольно неглупые речи Летиции благотворно влияли на чувства Марцелла. Если она действительно так же умна, как красива, то без труда поймет, какой пожар разгорается в сердце сенатора.

Марцелл решился перейти к делу.

– О несравненная Летиция, ты не могла бы посетить меня в самое ближайшее время в моем доме, где я мог бы показать тебе, как я живу и какие искусства заполняют мой досуг?

Летиция не ответила.

– Скажу больше, если это не коснется ничьих ушей, я питаю к прекрасной Летиции самые возвышенные чувства и хотел бы надеяться на взаимность.

Произнося эти слова, Марцелл ощущал, как сжимается его желудок и неприятное жжение спускается к низу живота.

Летиция ответила довольно уклончиво:

– Не знаю, удобно ли то, что предлагает мне любезный Марцелл.

Сенатор не стал настаивать, зная, каким хрупким может быть уже обретенное равновесие. Хотя о каком равновесии может идти речь, учитывая вулкан страсти, бушующий в

сердце Марцелла? Об ответном чувстве, которое владело Летицией, если таковое вообще имело место, можно было только гадать.

– Несравненная Летиция может тщательно обдумать мои слова и дать ответ такой, какой она пожелает.

Марцелл поклонился и отправился домой.

Эту ночь сенатор провел довольно беспокойно. Страсть разгоралась все жарче, и унять ее было непросто.

Антоний вскоре вернулся к делам, и они продолжали свои прогулки по улицам Рима, иногда в обществе Летиции.

Марцелл был по-прежнему любезен, но не решался напомнить Летиции о своих чувствах еще раз.

Наконец он преодолел стеснительность и заговорил на нужную ему тему, предварительно убедившись, что Антоний не может их слышать.

– Что же прекраснейшая Летиция ответит мне на предложение посетить мой дом и принять мои чувства?

На этот раз ответ его обрадовал.

– Если любезный Марцелл так желает этого, то мой долг доставить ему радость.

Марцелл был готов броситься на землю у ее ног и расцеловать каждую песчинку в отдельности. Он блаженно улыбался, не в силах произнести ни слова.

Наконец он решился спросить:

– Когда же несравненная Летиция сможет почтить мой дом своим посещением?

– Это будет зависеть от того, как скоро мой муж уедет по делам в провинцию.

Иногда государственным мужьям приходилось совершать кратковременные выезды, немного развлекавшие их и вносявшие разнообразие в их размеренную жизнь.

Марцелл был терпелив, его терпение питалось надеждами на скорое исполнение самых сокровенных желаний.

Наконец этот день настал. Летиция сообщила Марцеллу, что ее муж собирается в провинцию на два дня, и в один из них она сможет уделить внимание поклоннику ее прелестей.

Все детали были уточнены, оставалось только ждать.

Нет нужды говорить, какими долгими были минуты до момента долгожданной встречи. Марцелл договорился, что Летиция появится в его доме с наступлением темноты и он сам встретит ее на пороге.

Жена сенатора Антония сильно рисковала, поскольку ее приключение могло быть легко раскрыто с помощью любопытных слуг, однако она решилась уладить все трудности на этом пути.

Наступил вечер долгожданного дня. Марцелл был сам не свой и поминутно выглядывал в раскрытое окно. Он сделал все необходимые приготовления и надеялся на полный успех.

Уже темнело. Марцелл нервничал все больше. Неприятные мысли так и лезли в его голову, и он никак не мог с ними справиться.

Время шло, а Летиции все не было. Сенатор пытался примириться с мыслью, что возможен и нежелательный исход задуманного.

И тут в дверь дома тихонько постучали. Сердце Марцелла запрыгало от радости. Он торопливо приоткрыл дверь настолько, чтобы впустить в дом закутанную в одежды женщину.

Это была вожденная Летиция. Сенатор поприветствовал ее и пригласил пройти в покои. Выглянув на улицу, он не заметил ничего подозрительного и тщательно запер двери.

Летиция ждала, пока он выполнит все эти необходимые формальности.

Марцелл показал жестом, что просит ее пройти вперед. Нужных слов у него пока не нашлось. Наконец он обрел дар речи и непривычно хриплым голосом произнес:

- Мой дом сегодня принадлежит несравненной Летиции. Дама улыбнулась и игриво взглянула на Марцелла.
- Почему только сегодня?

Сердце сенатора заходило ходуном. Он стал прикидывать, как вести себя дальше. Природная стеснительность не позволяла ему начать свидание с любовных утех, поэтому он предложил предмету его страсти обойти и осмотреть его дом.

Летиция с удовольствием ознакомилась с каждой комнатой, внимательно осмотрела все, что Марцелл считал произведениями искусства, и не скрывала удовольствия от увиденного.

Затем сенатор пригласил даму на ужин. Трапеза была довольно поздней, но Марцелл думал не о том. Минута, о которой он так давно мечтал, была близка.

Сенатор ушел в другую комнату и вернулся через некоторое время, держа в руках ту самую драгоценность, которую приготовил в подарок Летиции.

– Позволь, о несравненная Летиция, преподнести тебе в дар этот медальон. Он принадлежал сильным мира сего, теперь будет принадлежать тебе.

Летиция с благоговением приняла подарок из рук Марцелла.

– О, какая замечательная вещь! Здесь изображен лев, готовящийся к прыжку. Что это означает?

Марцелл смутился. До сих пор он не задумывался над тем, что означает этот рисунок и все остальные неразгаданные знаки.

– Сие означает, что моя любовь к несравненной Летиции собирается укрыть ее от бед и невзгод.

Это было единственным, что пришло в голову сенатору.

Летиция прижалась к нему, произнося слова благодарности.

– Благодарю тебя, о любезный Марцелл.

Сенатор почувствовал, что наступила долгожданная минута.

Летиция любовалась подаренной вещицей, а Марцелл любовался ею и блаженно улыбался.

Затем он как можно ласковей прикоснулся рукою к ее талии. Его губы приблизились к ее губам, и она ответила.

Марцелл обнял Летицию и стал жадно осыпать поцелуями ее лицо и шею. Летиция чувственно застонала и, высвободив руку, положила на стол, который служил парочке для ужина, принадлежавший ей отныне медальон.

Марцелл оторвался от Летиции, привстал, сопровождаемый ее удивленным взглядом, и смел со стола опустошенные за ужином блюда прямо на пол. Приглушенно звякая, посуда падала на ковры, а ее содержимое вываливалось на толстый ворс.

Марцелл уже не обращал на это внимания. Он опрокинул Летицию на стол и задрал одежды, прикрывавшие ее восхитительное тело.

Его взору предстали пышные формы с небольшим избытком жирка на бедрах и животе. Это было именно то, что нравилось Марцеллу в женщинах.

Он стал поднимать одежду еще выше, пока его взору не явились пышные груди, которые тут же осели немного в стороны, не поддерживаемые одеждой.

Марцелл застонал от сладострастия. Он держал в руках тело, которого жаждал так давно.

Словно спохватившись, Марцелл распахнул складки своих одежд, обнажив напрягшуюся плоть. Приподняв пухлые бедра женщины и обхватив их руками, он прильнул губами к мягкому животу и принялся обцеловывать его со всех сто-

рон, медленно продвигаясь вниз, где его ожидала раскрывшаяся плоть, источавшая немного резкий, но такой вожделенный запах.

Не в силах более сдерживаться, Марцелл выпрямился и навалился на женщину всем телом, входя в нее медленно и не без затруднений.

Летиция напряглась, испытывая болезненные ощущения, но, поддаваясь равномерным толчкам, расслабилась, позволяя мужскому естеству входить в нее все глубже и глубже.

Марцелл почувствовал соприкосновение двух промежностей. Его толчки становились все настойчивей, тело женщины послушно подавалось назад при каждом движении...

Марцелл излился в чрево Летиции, испытывая легкое головокружение и внезапную опустошенность. Он буквально упал на нее, почувствовав холодеющую влагу в низу живота.

Летиция медленно шевельнулась, пытаясь высвободиться из-под тела удовлетворенного сенатора. Тот тяжело привстал и отодвинулся в сторону. Женщина оправила одежды, скрыв под ними возбуждающие формы, и нагнулась над Марцеллом.

– Мне пора, – сообщила она. – Прошу выпустить меня.

Марцелл глубоко вдохнул. Ему явно не хватало воздуха. Сенатор долго и тяжело дышал, затем поднялся с места.

– Прекраснейшая Летиция покидает меня?

Жена Антония смущенно улыбнулась.

– Лучше вернуться домой пораньше, чтобы домашние ни-

чего не заподозрили.

– Почтит ли Летиция мой дом своим вниманием в следующий раз?

– Конечно, только не могу сказать, когда это произойдет. Держась рукой за грудь, Марцелл проводил женщину до дверей, не забыв проверить, взяла ли она с собой подаренный медальон.

Сенатор откинул все задвижки, выглянул на улицу и выпустил женщину в темноту.

Летиция настояла на том, что доберется до своего дома сама, чтобы случайно не выдать себя и своего любовника.

Марцелл не стал настаивать. Силы покинули его после любовной утехы, и он чувствовал себя неважно.

Летиция торопливо шла по темной улочке, спеша как можно быстрее попасть домой. Она не заметила, как от стены одного из домов отделились две тени и последовали за нею.

Летиция услышала шорох позади себя и прибавила шаг.

Преследователи настигали ее. Летиция уже бежала по улице, стараясь уйти как можно дальше. Кричать она боялась. Тайна нынешней ночи предостерегала ее от поспешных действий. Летиция надеялась, что сможет уйти от погони, спрятаться где-нибудь, добраться до дома.

Они настигли ее недалеко от того места, где находился дом сенатора Антония.

– Подожди, красавица, куда же ты так спешишь?

– У нас к тебе дело, может, поговорим?

Летиция молчала, боясь произнести хоть слово.

– Правильно делаешь, что молчишь. Ни к чему кричать в такой поздний час.

– А ну, покажи, что у тебя есть?

Летиция жалобно застонала, умоляющими глазами глядя на разбойников.

– Тихо, тихо, стражников здесь все равно нет. Никто и не услышит. А попробуешь кричать, тебе будет худо.

Один из злоумышленников стал обшаривать одежды Летиции.

– А это что? Ну-ка, посмотрим!

Он извлек медальон с изображением льва, готовящегося к прыжку.

– Какая вещица. Золотая, наверное.

– Дай взглянуть! Смотри-ка, не каждую ночь встретишь на улице такую красавицу, тем паче с золотом. Может, у тебя еще что-нибудь найдется?

Летиция замотала головой, пытаясь внушить злодеям, что больше у нее ничего нет.

Один из разбойников прислушался.

– Что там? – спросил другой.

– По-моему, стражники...

Летиция замерла. Быть может, ей удастся спастись?

– Идем скорее, – заторопил первый.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.